

Тележку оставили во дворе, а всё семейство Ли радушно завели в дом. Госпожа Лу усадила сестру рядом, и они принялись за бесконечные разговоры о житье-бытье, перемежаемые охами тётушки: надо же, как племянники вымахали, совсем взрослые стали!

Ли Цинфэну в четырех стенах не сиделось, и он уговорил Чэнь Лихэ вывести его на улицу. Стоило ему подняться, как следом вскочили Цинхун и Ли Цинвэнь. В итоге в горнице остались лишь женщины да малыши. Ли Чжэнлянь порывался было увязаться за старшими, но госпожа Чэнь крепко придержала его за плечо, и мальцу оставалось лишь тоскливо смотреть в окно.

Деревенское подворье везде устроено схоже — парой взглядов всё окинешь. Четвёртый брат запросился на холмы, и Чэнь Шаньхэ сам пошел впереди, указывая дорогу. Ворота дома второго дяди выходили на задворки, где раскинулось просторное гумно, за ним тянулся овраг, а сразу за ним круто забирала вверх гора.

Стоя на гумне, они видели людей, суетившихся на той стороне оврага. Ли Цинвэнь прикрыл глаза ладонью от солнца, всматриваясь вдаль.

— Дядя, это кузены там всё ещё трудятся?

Чэнь Шаньхэ со вздохом кивнул. Они спустились по узкой тропе на дно балки, а поднявшись на противоположный склон, наткнулись на длинный навес и ряды деревянных кадок. Чэнь Динсинь как раз сосредоточенно формовал сырец. Юноша поднял взгляд и увидел отца, а за ним — целую толпу родственников.

— Отец, дядя Ли... Цинхун, Цинфэн... — Динсинь долго и недоуменно разглядывал Ли Цинвэня, пока тот сам не поздоровался первым.

— Здравствуй, брат.

Кузен, с ног до головы перепачканный глиной, растерянно поскреб в затылке, отчего и волосы его тут же стали грязными.

— Дядя Ли, здесь пыльно и сыро, возвращались бы вы в дом, — неловко проговорил он.

— Мы и сами только с полей, так что земли не боимся, — Ли Маосянь уже закатывал рукава. — Чего без дела сидеть, подмогнем немного.

Шаньхэ и его сын пытались было отговорить гостей, но те уже всю принялись за работу. Под навесом сохли заготовки, а несколько незнакомых парней усердно месили глину и выбивали её в формы. Ли Цинвэнь некоторое время молча наблюдал за процессом, а затем, указав на темный зев в склоне холма, спросил:

— Брат Динсинь, можно мне заглянуть внутрь?

Кузен кивнул:

— Иди, только осторожнее, не поскользнись.

Обжиговая печь представляла собой глубокую пещеру, вырытую прямо в горе. Вход был в человеческий рост, пол покрывал слой вязкой жижи — стоило Сынку войти, как на подошвы налипли тяжелые комья глины. Печь оказалась небольшой: широкое «брюхо» высотой в три метра сужалось кверху. Внизу виднелись три чела для дров, а в своде — три отдушины. Самая простая конструкция, какую только можно вообразить.

Осмотрев всё, Цинвэнь почувствовал уверенность. Выбравшись наружу, он столкнулся с отцом. Ли Маосянь, не прерывая работы, негромко спросил:

— Ну как, Сынок, похоже на то, что ты видел раньше?

Мальчик кивнул:

— Один в один, отец. В такой простой печи всё зависит только от того, как огонь держать.

Один из парней, работавших рядом, удивленно вскинул голову:

— Что? Неужто вы тоже в обжиге смыслите?

— Доводилось видеть, и не раз, — подтвердил Сынок.

Чэнь Шаньхэ отложил инструмент:

— Насколько я помню, в ваших краях на десятки ли ни одной печи нет. Где же ты насмотрелся?

— Брат, я ведь возил Сынка к лекарям, мы много где побывали, — быстро вставил Ли Маосянь, прикрывая сына. — Видать, тогда ему и запомнилось.

— О как, — протянул Шаньхэ. — И что же ты еще помнишь, малец? Поведай дяде.

— Знаю, что за огнем глаз да глаз нужен. Если пламя красное — значит, жару мало, кирпич выйдет недожженным, «сырым». А если белым или синим полыхнет — значит, переборщили, кирпич пережжётся. Первое — гляди в отдушины, второе — следи за контрольным кирпичом.

— Ты умеешь определять жар на глаз? — воскликнул незнакомый парень, бросив работу. Шаньхэ и Динсинь тоже замерли. Племянник рассуждал так складно и уверенно, будто и впрямь был мастером.

— Слышал, как знающие люди об этом говорили, — честно ответил Сынок.

Динсинь и его товарищи последние годы только и делали, что месили глину да таскали тяжести. Тот старый пройдоха-наставник и близко не подпускал их к секретам закалки огнем. А ведь это было самым важным! Именно из-за неумения держать жар у них раз за разом всё шло прахом.

Услышав, что Ли Цинвэнь понимает в этом деле, рабочие обступили его, возбужденно переговариваясь:

— Если и впрямь смыслишь — помоги нам! Мы уж который месяц бьемся, и всё впустую!

Кузен с недоверием посмотрел на Ли Маосяня:

— Дядя, неужто Сынок правду говорит?

Тот серьезно кивнул.

— Я попробую, — осторожно произнес Сынок, не желая давать пустых обещаний. — Но не ручаюсь за успех. В этом деле много тонкостей.

— Так чего же мы ждем! Давайте прямо сейчас и начнем! — нетерпеливо выкрикнул один из парней.

Хоть сырца было заготовлено едва ли на половину печи, а сушка требовала времени, люди уже не могли ждать. Они принялись поспешно таскать заготовки внутрь. Чэнь Шаньхэ наконец пришел в себя и широко улыбнулся:

— Ну и голова у моего племянника! Ничего, Сынок, если и не выйдет — не беда. Глины и дров у нас в достатке, еще заготовим.

Укладка печи — дело долгое и кропотливое, требующее к тому же уйму дров. Разговоры смолкли, все сосредоточенно включилось в работу. Этот процесс тоже был важен, но в нем Динсинь и его товарищи за годы каторги поднаторели — их движения были спорыми и точными.

Тем временем госпожа Лу накрыла на стол и послала невестку позвать мужчин к обеду. Та вскоре вернулась с вестью: на горе начали обжиг, обедать не придут. Тётушка только руками

всплеснула — ведь собирались же дожидаться, пока всё просохнет, с чего такая спешка?

Понимая, что мужчины не оставят дело, женщины тоже не смогли усидеть дома. Заперев ворота, они отправились на холм. Когда они добрались до места, печь уже была запечатана, в челах весело трещало пламя. Огонь нельзя было оставлять ни на миг, иначе весь труд — насмарку.

Пришлось обедать по очереди: пока одни следили за жаром, двое бежали в дом, чтобы поскорее вернуться и сменить товарищей. Глядя на перепачканных золой и землей зятя и племянников, госпожа Лу разволновалась:

— Надо же, приехали в гости — и сразу в пекло!

— Всё в порядке, тётушка, мы ведь свои люди, — Ли Цинфэн утирал пот краем куртки. — Второй дядя обещал нам гору риса, так что мы сил не пожалеем!

— Будет вам рис! Каждую трапезу подавать стану! — рассмеялась госпожа Лу. Ей по душе пришлась эта искренняя простота четвёртого племянника.

Ли Цинвэнь дежурил у «глазка» печи. Он терпеливо объяснял кузену и остальным, как по цвету пламени и яркости внутри определять температуру, как по запаху дыма понимать, что происходит с глиной. Он пересказывал всё, что когда-то слышал от мастеров. Обжиг должен был длиться несколько дней, и Ли Цинвэнь понимал, что в одиночку не сдюжит — нужно было обучить других.

Динсинь слушал, затаив дыхание, и то и дело повторял наставления вслух, боясь упустить хоть слово. Эти знания стоили дороже золота — то, что им не дали за годы службы у «учителя», теперь открывал им младший брат.

Ли Цинвэнь сам в работу не лез, лицо его оставалось чистым, лишь покраснелось от жара и покрылось мелкими каплями пота. Госпожа Лу, жалея племянника, притащила откуда-то табурет, чтобы тот мог сидеть, пока дает указания. Ли Цинфэн хмыкнул:

— Тётушка, наш Сынок за полгода пять тысяч ли пешком отмахал, неужто он на ногах не постоит?

Все, кроме семьи Ли и Шаньхэ, замерли в изумлении. В их взглядах, обращенных на хрупкого юношу, появилось глубокое почтение. Сынок же только вздохнул про себя: лучше бы брат не напоминал, у него до сих пор ноги слабеют от этих воспоминаний.

***

Тем временем в доме Чэнь Шаньхэ закончили ужинать. Госпожа Ван проворчала, обращаясь к

мужу:

— Слыхал? Та девка притащила всё своё семейство к Шаньхэ.

— Знаю, видел их, когда в деревню входили. Шаньхэ с сестрой даже слова мне не сказали, ну и я не стал перед ними распинаться, — угрюмо отозвался старший дядя.

— Я всегда говорила: покойные родители её совсем разбаловали. Глядит на меня, старшую невестку, свысока, а тебя, родного брата, и знать не хочет.

— Родителей нет, чего теперь поминать, — отмахнулся Шаньхай. — Не признает меня — так и мне она не сдалась. Вышла за нищebroда, живет в нужде, только позорит наш род!

— Первый раз вижу, чтобы в гости с внуками тащились. Небось, в закромах шаром покати, вот и приехали пузо набить, — язвила госпожа Ван. — Впрочем, у Шаньхэ сейчас и самих дела швах. Семья Второго сейчас — как черепаха в кувшине: чем дальше, тем теснее им становится. В такое время ораву кормить — это ж как надо гордость-то не ценить. Одна морока!

— Пускай мучаются, мне-то что. Динсинь этот со своим обжигом... Сразу было ясно — гиблое дело. Ремесло — вещь тонкая, его годами постигают. Не знаю, о чем брат думал, когда не отговорил его, столько серебра в трубу вылетело... — Шаньхай выглянул в окно. — Вон, на Южном холме опять дым повалил. Пять лет коту под хвост, а они всё не уймутся. Видать, Динсиню на роду написано быть неудачником.

— Я ведь советовала жене Шаньхэ еще детей родить, так она на меня волком посмотрела. Теперь-то, небось, локти кусает. Упрямая как ослица, так ей и надо!

— Слыхала, Старина Восьмой из семьи почтенного дяди опять в уезде землю прикупил. Видать, почтенный дядя и его домашние скоро совсем в город переберутся, будут в шелках ходить, — Госпожа Ван недовольно поджала губы. — Бог знает, сколько он там в ямэне наворовал, небось, от золота уже лоснится!

— Он теперь человек важный, ты помалкивай, а то донесут еще! — прикрикнул Шаньхай.

— Да разве я смею? Он теперь господин чиновник, я только рада буду, если он при встрече не заставит меня на колени падать.

***

Ли Цинвэнь не ведал, какие толки ходят за его спиной. Он сидел у чела печи, всматриваясь в огонь, и слушал, как четвертый брат красочно расписывает их поход в Пограничный город. Цинфэн рассказывал так лихо и с такими подробностями, что Сынок и сам начал сомневаться: неужто он и впрямь в одиночку бился с лютым тигром триста раундов?

Госпожа Лу слушала, то и дело хватаясь за сердце, и когда она уже была готова разрыдаться от страха, Цинфэн весело рассмеялся:

— Да это я пошутил, тётушка! Нас там много было, так что обошлось без бед.

Госпожа Чэнь легонько отвесила ему подзатыльник:

— Язык твой — враг твой!

Лю Дагуан и остальные ушли немного поспать, чтобы сменить караул во второй половине ночи. Динсинь же наотрез отказался отходить от печи — ради успеха дела он готов был не смыкать глаз трое суток.

Госпожа Чэнь хотела еще побыть с братом, но внуки начали клевать носом, и ей пришлось увести их в дом. Ли Цинвэнь порывался было вздремнуть прямо на склоне холма, но Шаньхэ и Госпожа Лу не позволили. Мальчик пытался спорить, мол, он не раз ночевал в сугробах, и эта ночь для него — сущая благодать, но тетушка только еще пуще расстроилась. В итоге Сынка насильно отправили спать. Он пролежал в доме три стражи и еще до рассвета снова поднялся на гору.

Увидев его, Лю Дагуан и остальные заметно приободрились. Хоть они и заучили все наставления назубок, но дело было в новинку, и на душе у них было беспокойно. С появлением Ли Цинвэня к ним вернулась былая уверенность.

<http://bllate.org/book/15828/1441429>